Литература двух Америк. 2024. № 16. *Literature of the Americas,* no. 16 (2024)

Научная статья
https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-50-74
https://elibrary.ru/NCROLZ
УДК 821.111(73).0+821.161.1Р.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Ольга ПАНОВА

«ПИСАТЕЛЬ-МЕЩАНИН, НОЮЩИЙ В БОЛОТЕ»: ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СОВЕТСКОГО ЧИТАТЕЛЯ С Э. ХЕМИНГУЭЕМ

Аннотация: В статье рассматривается ранняя советская рецепция творчества Э. Хемингуэя на материалах читательских отзывов середины 1930-х гг. из фонда ГИХЛ / Гослитиздата (Российский государственный архив литературы и искусства). Сохранившаяся небольшая подборка отзывов 1935–1936 гг. на первые советские книжные издания Хемингуэя — сборник рассказов «Смерть после полудня» (1934), «Фиеста» (1935) — демонстрирует единодушие читателей, которые дружно клеймят прозу Хемингуэя и порицают издательство за выпуск таких «бессмысленных» и «вредных» книг. Исключением является единственный краткий положительный отзыв на роман «Прощай, оружие!» (1936), присланный заметно позже, в 1937 г. Исследование причин негативной рецепции первых переводных изданий Хемингуэя предполагает обращение к советской литературной критике этого периода, знакомившей читателя с новым для него автором, и прежде всего к работам главного переводчика и интерпретатора творчества Хемингуэя в довоенном СССР И.А. Кашкина. Сопоставительный анализ читательских отзывов и критики позволяет предположить, что причиной неприятия прозы Хемингуэя стал, во-первых, создававшийся критиками амбивалентный образ этого писателя и его творчества, который воспринимался читателями как противоречивый и в целом «упадочный» и чуждый советскому человеку. Другим фактором, затруднявшим восприятие Хемингуэя, был новаторский характер его прозы, который противоречил требованиям «ясности и понятности» и вызывал жалобы на «бессмыслицу» и «бессодержательность» его сочинений. Ситуация изменилась к 1937 г. в связи с событиями в Испании, когда для критики и читателей Хемингуэй стал писателем-антифашистом, героическим защитником Испанской республики.

Ключевые слова: Эрнест Хемингуэй, советские читатели, 1930-е гг., рецепция, литературная репутация, литературная критика, И.А. Кашкин, Э. Уилсон, советско-американские литературные связи.

***Информация об авторе*: Ольга Юрьевна, Панова, доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X. E-mail: olgapanova65@mail.ru.

Для цитирования: *Панова О.Ю.* «Писатель-мещанин, ноющий в болоте»: первое знакомство советского читателя с Э. Хемингуэем // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 50–74. https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-50-74

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», https://rscf.ru/project/23-18-00393/.

Literatura dvukh Amerik, no. 16 (2024) *Literature of the Americas,* no. 16 (2024)

Research Article
https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-50-74
https://elibrary.ru/NCROLZ
UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Olga PANOVA

"A PHILISTINE WRITER WHINING IN A SWAMP": SOVIET READERS' FIRST ACQUAINTANCE WITH ERNEST HEMINGWAY

Abstract: The paper examines early Soviet reception of Ernest Hemingway's works. The research is based on the readers' letters to Goslitizdat (State Publishing House) from the funds of the Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI). A small collection of letters (1935–1936) shows readers' reaction to the first Hemingway's Soviet book editions: a short story collection *Death in the Afternoon* (1934) and *Fiesta* (1935). The readers unanimously condemn Hemingway for his "decadent" prose and Goslitizdat for publishing such "absurd" and "harmful" books. The only exception is a short positive review of the novel *A Farewell to Arms* (1936) sent to Goslitizdat in 1937. To uncover the reasons for the negative readers' reception one should turn to the literary criticism of the 1934–1935, especially the essays by Ivan Kashkin who introduced the new author to the Soviet reading audience. A comparative analysis of readers' feedback and critical discourse shows that the ambivalent and even contradictory image of the writer created by the critics made the readers think of Hemingway's works as "decadent", "bourgeois" and alien to Soviet people. Another reason was the innovative nature of Hemingway's modernist prose which seemed obscure, confusing and unintelligible; the Soviet reader obviously preferred "clarity" and "simplicity" of Erskine Caldwell's or Theodore Dreiser's realistic writings. The situation changed by the 1937, when Hemingway was praised by both Soviet critics and readers as an anti-fascist writer, a heroic defender of the Spanish Republic.

Keywords: Ernest Hemingway, Soviet readers, 1930s, reception, literary reputation, literary criticism, Ivan Kashkin, Edmund Wilson, Soviet-American literary connections.

***Information about the author*:** Olga Yu. Panova, Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, building 51, 119991 Moscow, Russia; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2520-120X. E-mail: olgapanova65@gmail.com.

For citation: Panova, Olga. "'A Philistine Writer Whining in a Swamp': Soviet Readers' First Acquaintance with Ernest Hemingway." *Literature of the Americas*, no. 16 (2024): 50–74. https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-50-74

***Acknowledgements*:** The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, "Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century", https://rscf.ru/project/23-18-00393/.

Культ Хемингуэя в Советским Союзе 1960-х гг. — широко известный феномен. «Главным же американцем в советской жизни был Эрнест Хемингуэй. В его книгах советские читатели нашли идеалы, сформировавшие мировоззрение целого поколения. Стиль его прозы определил стиль шестидесятников» [Вайль, Генис 2001: 66]. Однако начало знакомства советских читателей с корифеем «потерянного поколения» в середине 1930-х никак не позволяло предположить такого развития событий.

В 1930-е гг. обратная связь с читательской аудиторией в Государственном издательстве художественной литературы[1] осуществлялась Массовым сектором [см. об этом: Панов, Панова 2021]. Фонд ГИХЛ в Российском государственном архиве литературы и искусства дает представление о масштабах и видах работы издательства с читателем[2]. Важнейшим направлением был сбор читательских отзывов о выпускаемых издательством книгах. ГИХЛ печатало на своих изданиях обращенные к читателю просьбы присылать впечатления от книги с указанием своих данных (имя, место работы и жительства, возраст, профессия, партийность). Поступившие отзывы обрабатывались Массовым сектором, некоторые из них отбирались для отчетов, обзоров, а также публикаций в прессе.

Сохранившаяся подборка читательских отзывов середины 1930-х гг. (1935–1937) на первые советские книжные издания Хемингуэя — весьма примечательная коллекция документов. Небольшая по объему (6 отзывов), она отличается удивительной цельностью: читатели единодушно клеймят Хемингуэя и порицают литработников за выпуск таких ненужных, вредных и неприемлемых для советского человека книг. Пять разгромных отзывов (1935–1936) посвящены роману «Фиеста» (1935; пер. В. Топер) и самому первому советскому книжному изданию Хемингуэя, подготовленному И.А. Кашкиным и переводчиками-«кашкинцами»[3] — тому избранных произведений

[1] ГИХЛ; создано на базе Госиздата и государственно-акционерного издательства «Земля и фабрика» в 1930 г.; с 1934 г. переименовано в Гослитиздат.

[2] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Среди сохранившихся документов, например, планы и отчеты о массовой работе с читателями, мероприятия по выявлению запросов читателей (ед. хр. 85–88, 90), анкеты, сводки, отчеты о читательском спросе, полученные от библиотек, клубов, материалы читательских конференций, вечеров рабочей критики, изучение пожеланий и предложений читателей (ед. хр. 160–170) и т. д.

[3] Е.Д. Калашникова, Н.А. Волжина, Н.Л. Дарузес, В.М. Топер, И.К. Романович и др.

«Смерть после полудня» (1934), куда вошли рассказы из сборников «В наше время» (1925), «Мужчины без женщин» (1927), «Победитель не получает ничего» (1933) и фрагмент (отрывок из 12-й главы) книги о корриде «Смерть после полудня» (1932). Исключение только одно — краткий положительный отклик на «Прощай, оружие!» (1936; пер. Е.Д. Калашникова): это единственный отзыв, посвященный этому роману и присланный, соответственно, позже всех остальных, в 1937 г.

К прозе Хемингуэя читатели предъявляют целый ряд претензий. Во-первых, его произведения воспринимаются как бессвязная, бессодержательная бессмыслица: они лишены сюжета, единого «стержня», неясен их смысл. Читатели негативно реагируют на непривычную им манеру письма, в особенности на суггестивность текста: пресловутый «принцип айсберга» их только раздражает. Они ощущают в тексте что-то недоговоренное, какие-то лакуны, белые пятна, но совершенно не готовы к творческому соработничеству с автором, к тому, что В. Изер называет формированием цельного индивидуального прочтения.

> На какое дело уговаривал мужчина женщину — или на операцию, или еще на что, этого читатель выяснить и понять никак не может. Читатель может только строить догадки. Но ведь я могу думать одно, а вы — другое[4].

На самом деле, тридцатилетний токарь из Ленинграда, который жалуется, что не понял рассказ «Белые слоны», отлично уловил смысл, но его раздражает «неопределенность» текста, заложенная в нем возможность различных интерпретаций — словно писатель не сделал как следует свою работу и перекладывает ее на читателя.

Авторы отзывов чутко реагируют на приемы, которые нацелены на то, чтобы «раздразнить» читателя, вызвать его интерес, но их реакция — это возмущение и отказ вступать в игру, к которой приглашает странный, непривычно сделанный текст. Защищаясь от нового опыта, читатель предпочитает объявить эти произведения «какой-то чепухой».

[4] Здесь и далее читательские отзывы цит. по: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 677. Отзывы цитируются с сохранением некоторых особенностей орфографии и пунктуации.

> Вторым «шедевром» этой книги является рассказ «Победитель не получает ничего». Все три слова рассказа начинаются буквально с одних выражений и фраз. Примерно сорок строчек или целая страница каждой главы отпечатана слово в слово. Но тут, очевидно, мистер Хемингуей пересолил.

Читатель среагировал на «фирменные» хемингуэевские повторы в трехчастном рассказе «Посвящается Швейцарии» (из сб. «Победитель не получает ничего»), но отказывается ломать голову над этим приемом и обвиняет автора то ли в халтуре, то ли в непрофессионализме. В отзывах ясно слышится раздражение, которое вызывают и другие приемы, новаторские для советской аудитории середины 1930-х гг.: хемингуэевские диалоги, связь между эпиграфом и текстом рассказа (сборник «В наше время»), поэтика заглавий и т. д.

Другое обвинение — в «упадочничестве», «декадансе»: в отзывах отмечается царящая в произведениях атмосфера мрачности, безысходности, разложения; герой — одинокий индивидуалист, который неспособен принести пользу обществу и тратит время на бесцельные занятия — корриду, выпивку, скитания.

> Резко упадочное произведение, характерное для капиталистического Запада. Темы войны, темы гибели тореадора, смерти во всякое время, не только после полудня, производит весьма неважное, подавляющее впечатление. [...]
>
> Польза книги для нашего советского читателя весьма относительна, можно рекомендовать некоторые рассказы как пример несколько болезненной деградации, упадка литературы на Западе, спуска по наклонной плоскости с ее традиций.
>
> В целом нельзя приветствовать на фоне жизнерадостной стройки будущего такие книги. Это что-то мрачное, жуткое, напоминание о пережитом индивидуализме, не находящем себе исхода.

Индивидуализм и «антиобщественное» поведение героев дают повод для обвинений в «мещанстве»: Хемингуэй — «писатель-мещанин, ноющий в болоте», его роман «Фиеста» — «парад пляшущих мещан». Мещанство — это моральное разложение, отсутствие передовых идеалов, замыкание в частной жизни и эскапизм, уход от жизни общественной. Именно это инкриминируется героям «Фиесты», да и самому писателю.

> Только самовлюбленный мещанин, любящий ту порочную обстановку, которая является средой героев «Фиесты», способен облачить ее в тогу трогательных чувств и неудовлетворенных мечтаний. [...] А ведь героями являются сами «мастера культуры», которые обязаны быть выше обывателя и разить корень зла. Они вместо этого любят втроем, пьют и полулежа работают.

Практически в каждом отзыве читатели просят или требуют издавать «более нужные книги для советского читателя, чем книга Хемингуея», — например, А. Толстого, М. Шолохова «и ряда других советских писателей»: их книги написаны ясно, понятно, «вычитываются до дыр», «между тем как эта книга, вышедшая в восьмитысячном тираже, не читается, а если и читается, то только для того, чтобы выразить свое возмущение и автору, и издательству».

Очевидно, что, формулируя свое мнение о книге, читатели не только (и, может быть, не столько) опираются на свои непосредственные впечатления от прочитанного, но и на прочитанные ими критические статьи, и в первую очередь, предисловия и послесловия, которыми снабжались ГИХЛовские издания.

***

Критическая рецепция Хемингуэя начинается в СССР с рубежа 1920-х–1930-х: первый отклик (краткая рецензия 1928 г. на американское издание сборника «Мужчины без женщин») был резко отрицательным: рассказы были названы «очерками жизни американского “дна”»:

> В романе (sic!) фигурируют тореадоры, громилы, профессиональные вояки, проститутки, запойные пьяницы, отравители. [...] Книга свидетельствует о творческом упадке Хемингуэя[5].

В следующем году появился перевод статьи о Хемингуэе поэта, публициста и главного редактора *New Masses* Майкла Голда[6], а еще через год Хемингуэю посвятил несколько строк в своем обзоре современной литературы США Евгений Ланн: отметив его «связь

[5] Аннотация на книгу Э. Хемингуэя «Мужчины без женщин» (New York, 1927) // Вестник иностранной литературы. 1928. № 1. С. 181.

[6] *Голд М.* Поэт белых воротничков (Э. Х.) // На литературном посту. 1929. № 11–12. Июнь. С. 101–103.

с воинствующей американской плутократией» и общественную пассивность («социальная тематика ему в полной мере чужда, но в такой же мере чужда ему и романтика»), критик высоко оценил талант и профессионализм писателя, назвав его «одним из самых крупных мастеров сюжета», подчеркнув остроту и свежесть его рассказов, их «экспрессивность» и умелое использование «трагических положений» для «усиления экспрессивности реалистических новелл»[7]. В 1933 г. внимание Хемингуэю уделила А.А. Елистратова в двух обзорных статьях о современной американской литературе[8]. Однако это все были отдельные краткие отклики. Поворотным стал 1934 год.

В этом году выходят первое книжное издание — сборник рассказов «Смерть после полудня» и ряд журнальных публикаций: рассказы «Индейский поселок», «О Швейцарии», «После бури», «Убийцы», «Чисто, светло» в журналах «Интернациональная литература», «За рубежом», «30 дней», а также отрывки из романа «Прощай, оружие!» (журнал «Знамя», № 4). Почти все переводы были подготовлены И.А. Кашкиным и его переводческой командой — «кашкинцами». Единственным исключением был фрагмент романа «Прощай, оружие!», опубликованный в переводе П.Ф. Охрименко. В этом же году выходят восемь критических статей, посвященных Хемингуэю; половина из них была написана И.А. Кашкиным, который тем самым заявил о себе как о главном переводчике и интерпретаторе Хемингуэя в СССР.

Для рядовых читателей главным источником сведений о новом для них американском писателе и его творчестве было, разумеется, предисловие И.А. Кашкина «Эрнест Хемингуэй» к сборнику «Смерть после полудня»[9]. Некоторые из них могли прочесть и его статьи в прессе, в первую очередь в «Литературной газете»[10]. Публикации

[7] *Ланн Е.* Пробег по современной американской литературе // Новый мир. 1930. № 10. С. 199–200.

[8] *Елистратова А.А.* Литература современной Америки // Интернациональная литература. 1933. № 5. С. 99–112 (о Хемингуэе см. с. 108–109); *Елистратова А.А.* Новые явления в литературе Америки // Книга и пролетарская революция. 1933. № 11. С. 116–124 (см. с. 118).

[9] Эта статья была напечатана также в журнале «Литературный критик» (1934. № 9. С. 121–148) под названием «Смерть после полудня (Эрнест Хемингуэй)».

[10] *Кашкин И.А.* Помни о… // Литературная газета. 1934. 18 окт.; *Кашкин И.А.* Две новеллы Хемингуэя // Интернациональная литература. 1934. № 1. С. 92–93 (о новеллах «Индейский поселок», «Убийцы»). Также в этом году вышел краткий очерк Кашкина «Эрнест Хемингуэй» в сб. «Американская новелла XX века» (М.: Гослитиздат, 1934. С. 185–186).

Кашкина, особенно вышеупомянутая большая четырехчастная монографическая статья, предваряющая первое книжное издание Хемингуэя и впервые представлявшая писателя советской публике, вошли в золотой фонд отечественной американистики. Кашкин рисует яркий, живой и в то же время многогранный портрет Хемингуэя на фоне его литературного поколения, дает глубокий анализ его творчества, раскрывая сложность его миропонимания и многомерность его художественного мира, не сглаживая противоречий и конфликтов. Тексты Кашкина едва ли можно назвать «популяризаторскими», они явно рассчитаны на «подготовленного читателя». С одной стороны, Кашкин пишет о Хемингуэе как о писателе «упадочном», подчеркивая, что одна из основных тем его творчества — тема обреченности, смерти, распада (“The end of something”), что этот писатель — самый яркий выразитель умонастроения «погибшего поколения» (именно так обычно передавали в 1934–1936 гг. формулу “lost generation”). Постоянно, настойчиво повторяются в статьях Кашкина слова-лейтмотивы «скепсис», «пессимизм», «бесцельность», «горечь», «безнадежность», «опустошенность», «надлом», «тупиковость», «кризис»:

> …молодое буржуазное поколение, впитавшее весь *скепсис и гниль* старой европейской культуры.
>
> …*горько* названа последняя книга Хемингуэя. Победителю не достается ничего.
>
> …сдержанная *горечь* мастера, не знающего, как достойно применить свое *бесцельное* мастерство.
>
> … он не может укрыться от своего наваждения, от *болезненного* вглядывания во все новые и новые аспекты *смерти*, и еще *безнадежнее* упирается в *тупик*.
>
> Стремление сорвать все покровы и иллюзии, пересмотреть все глазами *изверившегося, опустошенного*, окопного человека. И во всем, в любой мелочи, отблеск основной темы – *смерть*… преждевременная, часто *нелепая смерть* в расцвете сил, *смерть* после полудня. Становится понятно, почему так *тягостно* для Хемингуэя бремя *бесцельной* в данных условиях силы, его *неприкаянность, разорванность сознания, надлом, тупик*[11].

[11] *Кашкин И.А.* Две новеллы Хемингуэя. С. 92. Курсив мой.

Одновременно с этим Кашкин говорит о Хемингуэе как о писателе честном, мужественном, стоическом, героическом («поэт простоты и правдивости»[12]), рисует «легендарный облик этого любимца писательской молодежи Парижа и Нью-Йорка», который любит жизнь, умеет ценить ее радости, полон сил и энергии; это «образ жизнерадостного, сильного, немного неуклюжего атлета, превосходного теннисиста, первоклассного боксера, завзятого лыжника, рыболова и охотника, бесстрашного матадора-любителя, отмеченного в приказах фронтовика и ко всему этому, как бы между прочим, всемирно-известного писателя»[13].

Хемингуэй аттестуется как писатель «богемный» — но который при этом «не остался в замкнутой “башне слоновой кости” эстетов»: «На время поселившись в ней, он прорубил окна пошире, обвешал стены сетями, удочками, охотничьими сумками, перчатками для бокса, но занял ее только под рабочий кабинет»[14]. Хемингуэй характеризуется как мелкобуржуазный писатель и «любимец американского мелкобуржуазного читателя»[15] — но, оказывается, это «вышло помимо его воли, само собой»: «он не сделал ни одной уступки традиционным вкусам массового буржуазного читателя», «но как он ни брыкался… его постигло признание американского обывателя»[16].

Подчеркивается простота Хемингуэя, его обращение к примитиву — и в то же время отражение в его книгах сложности и непостижимости мира и человека:

> …берешься за его книги. И первое, на чем задерживается внимание, это мотив непереносимой сложности жизни, слабости сильного…[17]
>
> Безнадежное упрощение жизни, которое никак не может скрыть всей внутренней сложности и зоркости[18].

Мировоззрение писателя «примитивно и путано» — и при этом он видит всю сложность жизни, ему свойственны ясность мысли

[12] *Кашкин И.А.* Смерть после полудня (Эрнест Хемингуэй). С. 131.
[13] *Кашкин И.А.* Помни о…
[14] *Кашкин И.А.* Смерть после полудня (Эрнест Хемингуэй). С. 130.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] *Кашкин И.А.* Помни о…
[18] *Кашкин И.А.* Две новеллы Хемингуэя. С. 92.

и стиля. Его герои смелы и отважны, но их позиция — «дозволенная измена» и «принципиальное дезертирство» [19]. Все рассуждения Кашкина состоят из сплошных парадоксов — если не сказать оксюморонов. В таком же ключе пишут в 1934–1935 гг. о Хемингуэе и другие критики. Например, статья Н. Эйшискиной читается как «конспект» статей Кашкина: портрет Хемингуэя и его творчество также даны на фоне других модернистов (Джойс, Синклер Льюис, Гертруда Стайн, Шервуд Андресон и проч.), навязчиво присутствуют те же лейтмотивы (горечь, безнадежность, тупик, смерть, опустошенность и т. д.), все построено на таком же «единстве противоположностей», но особо выделяется основное противопоставление, ставшее у Эйшискиной стержнем статьи — это «изощренность, сложность, рафинированность» «старой, высоколобой культуры» versus хемингуэевские простота, примитив как неудавшийся побег от сложности. Вот как характеризуется, например, роман «Фиеста»:

> В этой прекрасной книге, не только не сбрасывающей «бремя сложности», но погружающей в мир «простоты» опустошенности — подлинная лирическая горечь[20].

Звучит и слово «декаданс» (упадок), констатируется «связь Хемингуэя с большими декадентскими тенденциями американской литературы (Джефферс, Фолкнер, отчасти и др.)». Как и у них, «…у Хемингуэя обнажено страданье от “сложности”, обнажена бесплодность попыток возрождения американской “простоты и слаженности”»[21]. Ср. у Кашкина:

> Тематика последней книги Хемингуэя («Смерть после полудня». — *О.П.*) — болезненна. Это паноптикум уродств и извращений [...] Хемингуэй вступил на давно проторенную дорожку и, сам того не сознавая, «заговорил прозой», давно знакомой прозой упадочного искусства. Хемингуэй, который идет в обозе декадентов французов и сотен эпигонствующих эстетов американцев, который пассивно поддается кошмарам в изображении пороков и извращений, соперничает с Джеферсом и Фолкнером[...][22].

---

[19] *Кашкин И.А.* Смерть после полудня (Эрнест Хемингуэй). С. 141, 137.

[20] *Эйшискина Н.* В поисках простоты // Литературная газета. 1934. 4 ноября.

[21] Там же.

[22] *Кашкин И.А.* Смерть после полудня (Эрнест Хемингуэй). С. 140.

Вывод Н. Эйшискиной:

> Американский «славный парень», символ неизощренной и творческой молодости раздавлен грузом сложности [...] Простота большого синтеза, прямой путь к большим осознанным целям — вне кризисной буржуазной мысли и чувства.

Та же амбивалентность, противоречивость, соединение противоположностей характерны для статей о Хемингуэе и в следующем, 1935 г.[23] Такой критический разбор был вполне адекватен феномену хемингуэевской прозы, он стремился — и не без успеха — схватить суть его творчества. Однако логично предположить, что большинству советских читателей середины 1930-х было трудно освоить и усвоить как многогранность хемингуэевского художественного мира, так и подобный критический дискурс: пытаясь справиться с тем, что воспринималось как набор кричащих противоречий, читатель удерживал в сознании что-то одно — а именно, то, что лучше воспринималось, понималось, запоминалось — хемингуэевский «декаданс», упадничество, разложение, опустошенность и творческий тупик «буржуазного художника». Читатель реагировал на знакомые общие места: о мелкобуржуазной классовой природе творчества писателей «погибшего поколения», о пессимизме и пассивности этих авторов, не сумевших отыскать путь в прогрессивный лагерь, не примкнувших к революционному движению. Читатель легко осваивал и усваивал привычную формулу: творчество «упадочного» автора — «зловещий диагноз для всей его социальной среды, всего его класса и представляемого им буржуазного общества»[24].

Другим — и не менее значительным фактором, затруднявшим для советского читателя восприятие Хемингуэя, был новаторский характер его прозы.

> При поверхностном чтении рассказы Хемингуэя производят впечатление *бесцельной регистрации фактов* и *незначительных реплик*.

[23] См., напр., две рецензии на сб. рассказов «Смерть после полудня»: *Локс С.* Погибшее поколение // Литературная газета. 1935. 15 дек.; *Зунделович Я.* Заметки читателя на полях книги рассказов Эрнеста Хемингуэя // Красная новь. 1935. № 5. С. 232–234, а также отклик на «Фиесту»: *Старцев А.* Рец. на кн.: Хемингуэй Э. «Фиеста» (1935, Гослитиздат, пер. В. Топер) // Известия. 1935. 23 дек.

[24] *Кашкин И.А.* Две новеллы Хемингуэя. С. 93.

> Уже начинаешь досадовать на суховатую точность и *бескрасочность* автора, тем более, что по теме рассказы его почти всегда колючи и неприятны. Но вот малозаметная деталь, *намек* — и все происходящее освещено под совершенно новым углом… сквозь разговоры о пустяках проступает основная тема, чаще всего жуткая и значительная.
>
> И все это говорится вполголоса. Нельзя сказать, чтобы люди у Хемингуэя были бедны переживаниями, но кажется, что живут они, стиснув зубы. Эмоции находят выход не в излияниях, а в *ничтожных*, на первый взгляд, словах и поступках, взрывчатая сила которых скажется, однако, на всей последующей жизни и, чаще всего, сломает ее. [...]
>
> *Скупость и сдержанность* Хемингуэя, которая заставляет читателя мысленно досказывать то, что неизбежно вытекает из показанного автором, его стремление заострить восприятие читателя, научить его зоркости… *все это требует вдумчивого, творческого чтения*[25].

> В уменье из деталей обыденного, из незначительном» жеста, из скудных красок, при необычайной сдержанности воссоздать живой образ, настроение, лирическую напряженность — впечатляющая сила Хемингуэя[26].

> Во всем соблюдается примитив, мелкие случайности и факты как бы нанизываются на кинематографическую ленту сознания, не желающего размышлять. Если же размышления все же приходят, то они не легки, лучше их избегать[27].

Суггестивность, «принцип айсберга», повторы, пресловутый «примитив» — обо всем этом писала советская критика, но тексты Хемингуэя от этого понятней для публики не становились. Между тем знакомство с массивом читательских отзывов (как на зарубежных, так и на отечественных авторов) позволяет сразу увидеть, что одной из важнейших положительных характеристик творчества автора для читателя 1930-х была «понятность», ясность письма. Например, практически в каждом сохранившемся отзыве на книгу Э. Колдуэлла

[25] Там же. С. 92–93. Курсив мой.

[26] *Эйшискина Н.* В поисках простоты.

[27] *Локс С.* Погибшее поколение.

«Американские рассказы» (М.: Гослитиздат, 1937) отмечается именно это достоинство авторского стиля:

> В этой книге все понятно, непонятного нет. Я читал всей своей семье, и всем она понравилась.

> Автор Колдуэлл наглядно показывает в своих коротких рассказах о настоящем Америки. [...] Сатира, юмор Колдуэлла великолепно выражены в его рассказах.

> «Американские рассказы» Эрскина Колдуэлла оставили во мне прекрасное впечатление. Простой язык, легкий стиль, теплота рассказов и их художественное изложение не оставляют желать лучшего. Замечательные рассказы! Побольше бы таких[28].

А в отзывах на «Смерть после полудня» и «Фиесту» читатели постоянно жалуются на «бессмыслицу», «бессодержательность», «бескрасочность» хемингуэевской прозы. Эту проблему прекрасно понимал главный переводчик, интерпретатор и популяризатор Хемингуэя И.А. Кашкин:

> …поэтику недосказанного Хемингуэй применяет на каждом шагу в виде беглых, но значительных намеков. Читатель, не заметивший их, пройдет мимо самого главного у Хемингуэя и может счесть его рассказы бессмысленными и пустыми[29].

А одну из своих статей Кашкин снабжает эпиграфом“What's that all about?” — и начинает ее так:

> «В чем, собственно, дело? Ну, а дальше что?» Вот возможная реакция на рассказы Хемингуэя у читателя, привыкшего находить в книге все точки над и[30].

Кашкин, разумеется, гораздо лучше представлял себе советскую читающую аудиторию и ее реакцию на прозу Хемингуэя, чем

[28] РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 715. Л. 2, 6–7, 11.

[29] *Кашкин И.А.* Эрнест Хемингуэй //Американская новелла XX в. М.: Гослитиздат, 1934. С. 186.

[30] *Кашкин И.А.* Две новеллы Хемингуэя. С. 92.

великий американский критик Эдмунд Уилсон. Чутко откликавшийся на веяния времени, в начале 1930-х Уилсон сблизился с левым движением, увлекся марксизмом, стал поддерживать компартию США (в том числе президентскую кампанию У.З. Фостера), много общался с коммунистами и социалистами, включая тех, кто контактировал с СССР (Мэри Хитон Ворс, Малькольм Каули). Летом 1935 г. Уилсон побывал в СССР и, как он сам повествует в травелоге «Путешествие по двум демократиям» (*Travel in Two Democracies*, 1936), под конец своего путешествия заболел и, лежа в инфекционной больнице, занимался изучением русского языка и переводческими опытами.

Уилсон следил за литературной жизнью СССР по доступным в США англоязычным периодическим и книжным изданиям. Он прочел статью И. Кашкина о Хемингуэе (почти полностью совпадавшую с предисловием к сборнику «Смерть после полудня») в английской версии «Интернациональной литературы» (1935. № 5), и отклик Уилсона на эту публикацию под названием «Письмо советским читателям о Хемингуэе» был помещен в русском издании «ИЛ» с сопроводительным текстом от редакции[31]. В «Письме…» Уилсон поделился своим разочарованием от только что вышедших «Зеленых холмов Африки», дал высокую оценку статье И. Кашкина и солидаризировался с его оценкой Хемингуэя как писателя аполитичного, занявшего эскапистскую позицию:

> Когда советский критик И.А. Кашкин, поместивший талантливую статью о Хемингуэе в английском издании «Интернациональной литературы», пожалуй, единственный серьезный и исчерпывающий анализ творчества Хемингуэя, — когда Кашкин прочтет «Зеленые холмы Африки», он несомненно найдет в этой книге лишнее подтверждение своей теории, что автор книги рассказов «В наше время» становится все более бесплодным и менее интересным по мере того как он все больше замыкается в своем творчестве от великих социальных проблем сегодняшнего дня. [...] в Хемингуэе явно гаснет интерес к человеку (ЭУ:151).

При этом Уилсон спорит с представлением о Хемингуэе как об «упадочном» художнике: он подчеркивает, что последний сборник

[31] *Уилсон Э.* Письмо советским читателям о Хемингуэе // Интернациональная литература. 1936. № 2. С. 151–153. Далее ссылки на эту статью даны в тексте в скобках с пометой «ЭУ» и указанием страниц.

рассказов «Победитель не получает ничего» (1933) — это скорее новая фаза в развитии художественного мастерства писателя, чем свидетельство творческого упадка; он акцентирует внимание на «изумительных трех страницах» (ЭУ: 152) — рассказе «Чисто, светло», вошедшем и в первый русский сборник короткой прозы. По мнению Уилсона, Хемингуэй не «декадент», а реалист — он понимает, какова цена всех действительно важных дел, в том числе и революции, знает, что не все доживают до победы. Он нередко пишет о «конце всего», но все же произведения его скорее бодрят, чем приводят в уныние: «Он пишет о смерти, но для того, чтобы убедительно писать о смерти, нужно твердо стоять в жизни» (ЭУ: 152). В этом Уилсон видит гуманизм Хемингуэя, универсальное послание его прозы и выражает уверенность в том, что его творчество может стать частью личного опыта в том числе и для марксистов-ленинцев:

> … если литературное произведение написано мастерски и с подлинной страстью, то и марксист, читая его, отождествляет себя с героем, даже если сюжет этого произведения не имеет ничего общего с классовой борьбой. Не переводим ли мы на язык своих личных переживаний то, что трогает нас в литературном произведении? (ЭУ: 152)

Автор «Замка Акселя» продолжает свою мысль, приводя в пример Пруста — «архибуржуа, архиснова, архиэстета, архидекадента» (ЭУ: 153), который при этом все же говорит о «моральных обязательствах художника», поскольку искусство для него оставалось «единственно устойчивым и прочным»:

> … путешествуя по Советскому Союзу… мне представлялось, что на место обязательств, включаемых Прустом в свой идеал художественного творчества, встали идеалы служения заветам Ленина (ЭУ: 153).

Сопроводительный текст, которым редакция журнала снабдила публикацию письма Уилсона (его критика аттестовалась там как «пассивно-созерцательная»), весьма выразительно суммирует представления литературных функционеров, критиков и издателей 1930-х гг. об идеальном советском читателе, который радикально отличается от читателя буржуазного:

> Мы с удовольствием печатаем интересную статью Эдмунда Уилсона, написанную им специально для советских читателей. [...] Было бы не-

уместно открывать здесь общую дискуссию с Уилсоном по основным проблемам марксисткой критики, тем более, что, формально возражая на статью о Хемингуэе И. Кашкина, Уилсон фактически полемизирует с неизвестно откуда взятыми, очень примитивными тезисами, напоминающими скорее пародию на марксистскую критику. [...]

Обсуждение вопросов художественного творчества sub specie aeternitatis имеет тот недостаток, что приводит, даже при доброй воле считаться с фактом, к чрезмерно обобщающим выводам. Так, правильно указание Уилсона на *мужественность* «морального кодекса» Хемингуэя. Однако, дальнейшее рассуждение по поводу роли творчества Хемингуэя в условиях социалистической культуры уже неправильно. Мужество героев Хемингуэя есть *мужество отчаяния*. Оно может вызывать удивление, даже восхищение у советского читателя, но неспособно пробудить в нем адэкватные социальные и психологические представления, ибо лишено *действенного оптимизма*, составляющего *основную характеристику мужества социалистического мироощущения в жизни и в искусстве*.

«Сплошная» *психологизация* процессов художественного восприятия, выраженная в мысли Уилсона о том, что читатель пассивно отождествляет себя с *любым* полноценным характером в художественном произведении, независимо от идейного содержания образа, *совершенно ложна*.

В художественном восприятии, как и в художественном творчестве, всегда присутствует *идейный момент*; читатель-марксист, воспринимая буржуазную литературу, *противоборствует* ей, активно *отбирает* близкие себе чувства и представления и отвергает чуждые, враждебные.

Это не значит, что советские издательства выпускают произведения Хемингуэя или Пруста лишь для того, чтобы продемонстрировать «разложение буржуазии». Всякое подлинное произведение искусства, а такие созданы и Прустом, и Хемингуэем, обогащает знание жизни читателя, повышает его эстетическую восприимчивость, его эмоциональную культуру, словом, оказывается в широком смысле фактом воспитательного значения. Освобожденное социалистическое человечество наследует все, что есть прекрасного, содержательного, возвышенного в культуре прошлых веков. Таковы законы исторического развития[32].

[32] От редакции // Интернациональная литература. 1936. № 2. С. 153–154.

Дошедшие до нас читательские отзывы демонстрируют, что, столкнувшись с новым, непривычным для них литературным явлением, читатели «противоборствовали» и «отвергали» его как нечто «чуждое, враждебное» — но не обнаруживали в нем близких чувств и представлений, поскольку плохо понимали эти тексты (или не понимали вообще). Критика, особенно в лице И. Кашкина, отлично справилась с задачей адекватно описать и проанализировать творчество Хемингуэя, и именно поэтому провалила другую свою задачу — внятно и доступно растолковать широкой аудитории произведения нового для них автора, его миропонимание и его поэтику. Она представляла Хемингуэя как слишком сложного, амбивалентного, противоречивого писателя, что еще более усиливало отторжение рядового читателя, который чувствовал, что дух времени настойчиво требует занять определенную позицию, присоединиться к какому-то лагерю.

> Мы вправе требовать от писателя, чтобы он был за данное общество или против него. Не место писателю в слюнявом, неопределенном, мещанском болоте. Его физиономия должна быть ясна!
>
> Сейчас не времена Белинского, когда трудно было определиться, когда можно было метаться между философиями Шеллинга, Фихте и Гегеля [...] Мы сейчас живем в великую эпоху Ленина-Сталина, когда искать нечего, когда определилось только два лагеря: лагерь социализма, мира, культуры, обилия и лагерь фашизма, войны, средневековья, грабежа.

Никаких колебаний и неопределенности быть не должно. Читатели ждали ясной директивы, но «двусмысленная» критика давала неясный посыл и в конечном итоге оставляла выбор на собственное разумение. И читатели писали отзывы, выражая свое недоумение и негодование в адрес и автора, и издателей.

> Выпуск книги «Фиеста» Эрнеста Хемингуея… является ошибкой — она ничего не способна показать, нравы в ней убоги.

> Прочитав книгу «Смерть после полудня» Эрнеста Хэмингуей, я был и удивлен и возмущен той бессмысленностью и бессодержательностью, каковую выпускает ваше издательство,

Однако в 1936 г. ситуация начинает меняться — критика, посвященная роману «Прощай оружие!», становится более позитивной

(хотя Хемингуэя и ругают за «пацифизм»)[33]; положительной оценки удостаиваются и его выступления на социальные темы, в том числе и в левой печати[34]. В 1937 г. Хемингуэй уже характеризуется критикой и воспринимается читателями вполне однозначно — как писатель-антифашист, героический защитник Испанской республики[35].

Что же касается письма Уилсона советской публике, то оно содержало «несвоевременные мысли», но оказалось пророческим: сильно обогнав свое время, американский критик предсказал культ Хемингуэя в СССР, когда читатели-шестидесятники стали отождествлять себя с хемингуэевским стоицизмом и «мужеством отчаяния».

ЛИТЕРАТУРА

Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Панов, Панова 2021 — *Панов С.И., Панова О.Ю.* Издатели и читатели французской литературы в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 738–754.

REFERENCES

Panov, Panova 2021 — Panov, Sergei I., and Olga Yu. Panova "Soviet Publishers and Readers of French Literature, Late 1920s – 1930s", *Noveishaia istoriia Rossii* 11, no. 3 (2021): 738–754. (In Russ.)

33 См.: *Ангаров А.* Трагедия пацифизма (рец. на «Прощай, оружие!». М., 1936) // Известия. 1936. 8 окт.; *Динамов С.* Предисловие // Хемингуэй Э. Прощай, оружие. М.: ГИХЛ, 1936. С. 5–19; *Адмони В.* Рец. на кн. «Прощай, оружие». М., 1936 // Литературный современник. 1936. № 12. С. 197–200; *Сильман Т.* «Прощай, оружие» Хемингуэя // Звезда. 1936. № 11. С. 171–178.

34 Статьи «Кто убил ветеранов войны во Флориде» ("Who Murdered the Vets?" *New Masses* (17 Sept. 1935): 9–10; рус. пер. Е. Калашниковой, опубл:: Интернациональная литература. 1935. № 12. С. 56–60); «Крылья над Африкой» ("Wings Always Over Africa." *Esquire Magazine* (January 1936); рус. пер.: «За рубежом». 1936, март. № 8. С. 169); письмо в защиту испанского художника Луиса Кинтанильи (рус. пер.: Интернациональная литература. 1936. № 2. С. 155).

35 См., напр.: *Кармон У.* Письмо из Нью-Йорка // Интернациональная литература. 1937. № 5. С. 232; *Миллер-Будницкая Р.* Эрнест Хемингуэй // Интернациональная литература. 1937. № 6. С. 209–219; *Олеша Ю.* Эрнест Хемингуэй // Интернациональная литература. 1937. № 11. С. 209 (Рубрика «Антифашистские писатели мира»). См. также [White 2021].

Vail, Genis 2001 — Vail, Peter, and Alexander Genis. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [*The 60s. The World of the Soviet Man*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. (In Russ.)

White 2021 — White, Frederick. “Ideological Profit: Hemingway, Kol’tsov and the Spanish Civil War.” *The Hemingway Review* 41, no. 1 (Fall 2021): 43–67.

© 2024, О.Ю. Панова
Дата поступления в редакцию: 23.03.2024
Дата одобрения рецензентами: 29.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

© 2024, Olga Yu. Panova
Received: 23 Mar. 2024
Approved after reviewing: 29 Apr. 2024
Date of publication: 25 Jun. 2024

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ НА КНИГИ Э. ХЕМИНГУЭЯ (1935–1937)

1. Без указания имени. «Смерть после полудня»

18.07.1935.

Резко упадочное произведение, характерное для капиталистического Запада. Темы войны, темы гибели тореадора, смерти во всякое время, не только после полудня, производит весьма неважное, подавляющее впечатление.

Автор вдается в гротеск, не умеет как следует использовать свой талант, хотя и мог бы кое-что дать. Он иногда [из]лишне сентиментален («Канарейка в подарок»), иногда очень мелодраматичен, хотя грубо, с дешевыми нагромождениями жути («Смерть после полудня», отчасти также «Альпийская идиллия»).

Польза книги для нашего советского читателя весьма относительна, можно рекомендовать некоторые рассказы как пример несколько болезненной деградации, упадка литературы на Западе, спуска по наклонной плоскости с ее традиций.

В целом нельзя приветствовать на фоне жизнерадостной стройки будущего такие книги. Это что-то мрачное, жуткое, напоминание о пережитом индивидуализме, не находящем себе исхода, кроме как в бессмысленных картинах боя быков в Испании или похождения бродяг в Мексике и Западных Штатах.

Америка отражена, пожалуй, лучше Европы (которую автор плохо понимает). Пейзаж отражен кое-где неплохо. Психологом автора назвать нельзя.

Нельзя похвалить книгу.

Переводчики работали хорошо.

Харьков. Возраст 27 лет. Профессия — техник-моторист, наблюдающий за станцией.

2. В. Герасимов. «Смерть после полудня»

6.08.1935.

Уважаемые товарищи!

Прочитав книгу «Смерть после полудня» Эрнеста Хэмингуей, я был и удивлен и возмущен той бессмысленностью и бессодержательностью, каковую выпускает ваше издательство.

Ни в одном рассказе читатель не может видеть определенного смысла. Начиная с первой строки и кончая последней, набор фраз, и только.

На какое дело уговаривал мужчина женщину — или на операцию, или еще на что, этого читатель выяснить и понять никак не может. Читатель может только строить догадки. Но ведь я могу думать одно, а вы — другое. Весь рассказ выглядел бы совершенно иначе, если бы вопрос мужчины, относящийся к своей спутнице «А кризис?» — попал бы в рассказ, но этого вопроса в рассказе нет, а имеется он в предисловии Ивана Кашкина, в котором тот пытается дать объяснение к тому или иному рассказу. Но этот ключ к большинству шифрованных рассказов не подходит, и читатель остается — мягко выражаясь — в недоумении. И потом, причем тут «Белые слоны»? С таким же успехом этому рассказу можно дать заглавие «Социалистическое строительство», и читатель получил бы одинаковое удовольствие, как и от «Белых слонов».

Вторым «шедевром» этой книги является рассказ «Победитель не получает ничего». Все три слова рассказа начинаются буквально с одних выражений и фраз.

Примерно сорок строчек или целая страница каждой главы отпечатана слово в слово. Но тут, очевидно, мистер Хемингуей пересолил. В каждой главе имеется смысл, но и этот смысл вертится около кельнерши. Было бы вполне уместно поставить на кельнерше точку и этим ограничить рассказ, т. к. дальнейшее повествование о насиль-

никах и о «сыне члена географического общества в Террите»[1] так же лишено всякого смысла, как и вся книга.

Не только меня, простого рабочего, но и людей более компетентных, коим я давал прочитать эту книгу, — удивляет одно обстоятельство. Неужели такое издательство, как ваше, не может выпускать более интересной и более осмысленной литературы для советского читателя, чем издание никому не нужной литературы, как книга Хемингуея. Ведь книга Толстого, Шолохова, и ряда других советских писателей вычитывается до дыр, но этих книг не хватает, между тем как эта книга, вышедшая в восьмитысячном тираже, не читается, а если и читается, то только для того, чтобы выразить свое возмущение и автору, и издательству.

Прошу Вас принять мои искренние пожелания для дальнейшей работы по изданию более нужных книг для советского читателя, чем книга Хемингуея.

В. Герасимов.

Ленинград, 2-й Муринский, д. 13, кв. 19. Рабочий. Завод им. Энгельса. Токарь 7-го разряда, возраст 30 лет.

3. Без указания имени. «Смерть после полудня»

3.10.1935.

Уважаемые издатели!

[В книге] «Смерть после полудня» Эрнеста Хемингуей в конце натолкнулась, что можно написать свой отзыв. Книга написана без всякой идеи. Не производит никакого впечатления. Какая-то бессмыслица. Нет художественной краски. Сколько я читаю книг и плохих, и хороших, но такой чепухи еще не встречала. Возраст 21 год. Профессия — техник.

4. М.М. Голубев. «Смерть после полудня»

31.10.1935.

Прочитал книгу «Смерть после полудня», Эрнест Хемингуей. Ее же прочитали семь человек меня окружающих. К очень великому сожалению все без исключения прочитавшие дают нехороший отзыв о книге.

Прежде всего, на что следует указать:

1. Ни в одном рассказе нет целеустремленности. Взятое — исключительно натура, доведенная до конца. Маленькие сценки,

охватывающие «выход из комнаты», поучительного читателю дать не могут. Уж очень слабо само рассуждение автора.

2. Трудно поддается нахождению нити эпиграф с основной частью рассказа. А если оно и есть (в некоторых случаях), то ясности никакой не вносится. Точнее — эпиграфы и рассказы не пополняют друг друга, а лишь вводят в заблуждение читателя.

3. Упрощенность, примененная в некоторых рассказах, очень «упрощена». В практической жизни много трудов следует положить, чтобы подобное встретить. Может быть, здесь отразилась натура взятого, но она (натура сегодняшнего дня) не будет правдива завтра.

4. Мало дает книга познаний, за исключением лишь (очень мало) рассуждения описуемых (переезды по районам).

В части оформления — книга оформлена хорошо. Не хватает вкладыша во избежание загибов углов. Последний необходим.

Многие в оценке согласны со «Старой леди»[2] («Смерть после полудня»). Читаются на «сон грядущий».

Адрес: 77-й разъезд. Забайкальская железная дорога, п/п 2910.

С комприветом, Голубев М.М.

Может быть, мы еще очень мало разбираемся в литературе, но таких очень много, их масса.

5. М.В. Радаев. «Фиеста»

24.06.1936.

В «Фиесте» Эрнеста Хемингуея дан парад пляшущих мещан.

Только самовлюбленный мещанин, любящий ту порочную обстановку, которая является средой героев «Фиесты», способен облачить ее в тогу трогательных чувств и неудовлетворенных мечтаний. Да и эта неудовлетворенность у Роберта Кана и Джейк Барнса являются скорей следствием неудач в соревновании за тело хорошенькой Брет с полированным сердцем, чем неудовлетворенностью от несправедливости и тяжести капиталистического общества.

Где в романе дана пусть не критика, но хотя бы поверхностная насмешка над своим обществом? А ведь героями являются сами «мастера культуры», которые обязаны быть выше обывателя и разить корень зла. Они вместо этого любят втроем, пьют и полулежа работают.

Единственный герой критикующий — это Билл Гордон. Он умен, остроумен, и, главное, подходит к критике основ. Беда лишь в том, что у него на каждое слово критики приходится стакан водки.

Кто же положительные герои?

Пусть звучит это парадоксально, но к таким можно отнести распущенную Брет и бездельника Майка, т. к. Брет и Майк — продукт своего общества, и мы обязаны, в силу этого, принять их не изолированно от их среды¸ а такими, как они есть.

Майк Кембелл прошел все ужасы войны и вышел оттуда, презирая и смеясь над своим обществом, с его персонажами и орденами. Он отплатил своему обществу тем, что стал бездельником, а это самый тяжелый ответ для общества, во всяком случае, он более действен, чем неопределенные стоны «мастеров культуры».

Брет Эшли красива. Физический облик ее, данный в романе своеобразно, позволяет каждому создать ее в своем воображении и по своему усмотрению в тех формах и с той ретушью, которые отвечают идеалу красоты лично для каждого читателя. Распущенность Брет компенсируется ее искренностью и правдивостью. Остается ее красота — красоте же многое прощают.

Что мы вправе требовать от писателя?

Мы вправе требовать от писателя, чтобы он был за данное общество или против него. Не место писателю в слюнявом, неопределенном, мещанском болоте. Его физиономия должна быть ясна!

Сейчас не времена Белинского, когда трудно было определиться, когда можно было метаться между философиями Шеллинга, Фихте и Гегеля, когда надо было преодолеть утопизм Фурье, Кабэ, Луи Блана[3] для того, чтобы прийти к Фейербаху и понять, куда надо направлять стрелы.

Мы сейчас живем в великую эпоху Ленина–Сталина, когда искать нечего, когда определилось только два лагеря: лагерь социализма, мира, культуры, обилия и лагерь фашизма, войны, средневековья, грабежа.

Сейчас писатель-мещанин, ноющий в болоте, противен — он недостоин печататься в нашей стране.

Выпуск книги «Фиеста» Эрнеста Хемингуея по этой причине является ошибкой — она ничего не способна показать, нравы в ней убоги. Над убожеством же нечестно смеяться, но оно и недостойно, чтобы его разить. Оно само или определится, или умрет.

Радаев М.В. Инженер.

6. Георгий Федорович Девятников. «Прощай, оружие!»

24.03.1937.

Пишет Девятников Георгий Федорович. Я пишу вам в редакцию письмо и хочу написать свой отзыв о книге «Прощай, оружие!» писателя Эрнеста Хэмингуей. Книга мне очень понравилась, но я не пойму, в конце книги умерла ли Кэтрин Баркли?

Прошу редакцию, чтобы она сообщила мне. Сообщите, пожалуйста.

Мой адрес, где я проживаю: город Рославль, Кожевенная улица, дом № 17, получить Девятникову Георгию Федоровичу. Затем до свидания. Дайте ответ.

Источник: РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 677. Отзывы 1–4, 6 публикуются по автографам, отзыв 5 — по маш. коп. Печатается с сохранением ряда авторских особенностей (написание личных имен и проч.). Авторы писем дают отзывы на следующие издания:

1. *Хемингуэй Э.* Смерть после полудня. М.: ГИХЛ, 1934. 269 с.

Содержание:

Кашкин И. Эрнест Хемингуэй (с. 3–29).

Из сб. «В наше время»:

Индейский поселок / пер. О.П. Холмская.

Доктор и его жена. Что-то кончилось. Трехдневная непогода / пер. Н.А. Волжина.

Боксер / пер. Е.С. Романова.

Очень короткий рассказ / пер. Н.К. Георгиевская.

Дома / пер. Н.Л. Дарузес.

Мистер и миссис Эллиот / пер. И.К. Романович.

Кошка под дождем / пер. Л.Д. Кислова.

Не в сезон / пер. Н.К. Георгиевская.

Кросс-Каунтри по снегу / пер. В.М. Топер.

На Биг-Ривер I. На Биг-Ривер II / пер. О.П. Холмская.

Из сб. «Мужчины без женщин»:

Десять индейцев / пер. А.Н. Елеонская.

В чужой стране / пер. Л.Д. Кислова.

Только вопрос / пер. И.К. Романович.

Che ti dice la patria? / пер. Н.К. Георгиевская.

Альпийская идиллия / пер. В.М. Топер.

Белые слоны / пер. А.Н. Елеонская.

Канарейку в подарок / пер. Н.Л. Дарузес.

На сон грядущий / пер. Е.Д. Калашникова.

Из книги «Смерть после полудня»: фрагмент 12 / пер. В.М. Топер.

Из книги «Победитель не получает ничего»:

Посвящается Швейцарии / пер. Е.Д. Калашникова

Чисто, светло. Дайте рецепт, доктор / пер. Е.С. Романова.

2. *Хемингуэй Э.* Фиеста / пер. В.М. Топер. М.: Гослитиздат, 1935. 224 с. (*Гарин Н.* Послесловие. С. 222–224).

3. *Хемингуэй Э.* Прощай, оружие! / пер. Е.Д. Калашникова. М.: ГИХЛ, 1936. **341 с.** (*Динамов С.* Послесловие. С. 5–19).

[1] Кельнерша станционного буфета, вокзальные носильщики (автор отзыва ошибочно написал «насильники»), «сын члена географического общества» мистер Гаррис — персонажи рассказа «Посвящается Швейцарии» (“Homage to Switzerland”), состоящего из трех частей: «Развлечения мистера Уилера в Монтре», «Мистер Джонсон откровенничает в Веве», «Сын члена географического общества в Террите».

[2] В книге «Смерть после полудня» есть персонаж старая леди (Old Lady), с которой автор ведет беседы и споры, по ее просьбе разъясняет подробнее те или иные стороны корриды. Порой старая леди критикует автора, выражает скепсис. С помощью этого персонажа Хемингуэй оживляет повествование и демонстрирует свое искусство выстраивания диалога, в том числе и сократического.

[3] Утопический роман французского философа Этьена Кабе (1788–1856) «Путешествие в Икарию», опубликованный до этого в сокр. переводе (М.: Новая Москва, 1924), полностью вышел в издательстве «Academia» в 1935 г. в серии «Социалистические утопии»: *Кабе Э.* Путешествие в Икарию: философский и социальный роман / ст. Н.Л. Мещеряков; коммент. Г.О. Гордон. М.; Л.: Academia, 1935. В 2 т. Сочинения Ш. Фурье и Луи Блана, активно издававшиеся в России до 1917 г., в 1920-х–1930-х гг. почти не публиковались, но изложение и критика их идей давались в учебной и научно-популярной литературе.